

© 2011 г.

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СЛОВО И АРТЕФАКТ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ» (Саратов, 1–5 октября 2010 г.)

1–5 октября 2010 г. кафедра истории древнего мира Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского совместно с Институтом археологии и культурного наследия провели II Всероссийскую научную конференцию «Слово и артефакт: междисциплинарные подходы к изучению античной истории». В ходе заседаний прозвучали доклады исследователей из Астрахани, Воронежа, Грейфсвальда, Иваново, Калуги, Москвы, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Саратова и Смоленска.

На пленарном заседании, которое состоялось 1 октября в конференц-зале Зональной Научной библиотеки СГУ им. В.А. Артисевич, с приветствиями словами выступили заместитель директора Института истории и международных отношений СГУ проф. *Л.Н. Чернова* и заведующий кафедрой истории древнего мира, руководитель Института археологии и культурного наследия СГУ проф. *С.Ю. Монахов*, отметившие важность и значимость мероприятия и пожелавшие участникам плодотворной работы и хорошего пребывания в Саратове. С.Ю. Монахов рассказал присутствующим об истории и традициях кафедры, вспомнил конференцию 2008 г., отметив, что ее проведение стало регулярным.

На пленарном заседании с докладом «Кария между Пердиккой и Антигоном (323–317 гг. до н.э.)» выступил *Н.В. Ефремов* (Грейфсвальд). Уточняя картину исторических событий в Малой Азии в рассматриваемый период, автор не сомневается, что малоазийские греки не вошли в Коринфский союз, оставшись союзниками Александра и заключив с ним договоры. Их статус оставался неизменным и при первых диадохах, что находит подтверждение в «декларациях свободы эллинов». Далее докладчик отметил, что в первой войне диадохов (322–321 гг.) Асандр примкнул к коалиции против Пердикки, обеспечив высадку войск Антигона в Галикарнасе. Назначение Евмена стратегом Малой Азии с одновременной передачей ему владений мятежных сатрапов лишило Асандра его сатрапии. Дальнейшие события, по мнению Н.В. Ефремова, развивались следующим образом: осенью 321 г. Асандр по заданию Антипатра начал войну против Алкетты и Аттала и потерпел поражение, лишившись власти над некоторыми внутренними регионами Карики. Операции Евмена в Лидии, «чтобы быть ближе к другим пердикканцам», также протекали в верхнем течении Меандра. Очевидно, что поражение Асандра не имело глубоких последствий. После возвращения Антипатра в Македонию в конце 321 г. военные операции в Малой Азии вел Антигон, ставший непосредственным «виновником» возвращения Асандра. Он остался единственным сатрапом из числа назначенных в Вавилоне, который сохранил свою сатрапию. Примкнув в 315 г. к коалиции против Антигона, год спустя Асандр также был лишен власти.

Завершил пленарное заседание доклад *А.В. Короленкова* (Москва) «Тиберий Грахх и Анний Луск», посвященный столкновению в 133 г. до н.э. в сенате Тиберия с одним из старейших консуляров, Аннием Луском, который произнес против него речь. Тиберий велел привести его на сходку, надеясь на поддержку толпы, однако по неясным причинам распустил собрание, не дав ответа оппоненту. Рассказ восходит к враждебной Граххам традиции, которая существовала, видимо, в разных вариантах. Один нашел отражение у Ливия и Феста, другой – у Плутарха. У последнего налицо следы сюжета о посрамлении ложного мудреца «простецом», поэтому в силу особенностей сюжета важные детали искажены: не сообщено, что Анний был консуляром, а речь превращена в «небольшой» вопрос. Не исключено, что так же оказались опущены и другие детали, прежде всего те, которые позволяли понять странное молчание Тиберия в ответ на речь Анния. По мнению автора, причиной пассивности трибуна и роспуска сходки могло стать появление влиятельных сенаторов – противников Тиберия: в их присутствии он не мог рассчитывать на поддержку толпы, которая не решилась

бы устроить обструкцию Аннию из уважения к стольким важным персонам. Это был первый случай, когда противник правящих кругов попытался вывести толпу для психологического давления на своего врага – и потерпел поражение, причиной чему стало неизжитое почтение к первым лицам в государстве у городского плебса.

Заседание второго дня конференции (председатели – А.П. Медведев, А.В. Короленков) открыл доклад *В.Н. Слонова* и *О.В. Кочерженко* (Саратов) «О социальной структуре “колесничных” обществ и феномене “колесничных культур” бронзового века Евразии», в котором черты социальной структуры обществ Ближнего Востока и Передней Азии сравнивались с характеристиками социально-политической структуры бесписьменных культур евразийской степи по данным анализа материальных комплексов. Был сделан вывод о том, что наличие колесницы является «маркером» сложноорганизованного общества с определенным набором социально-политических характеристик, хотя внятного определения «колесничного общества» так и не прозвучало, за что доклад подвергся критике.

В докладе *А.М. Беликова* (Саратов) «О временной последовательности создания пиловских серий *Aa*, *Ab* и *Ad*» рассматривались пиловские документы с перечислением женщин и их детей, занятых главным образом в текстильном производстве. Внимательный анализ мест находок этих табличек в комнатах пиловского архивного комплекса показывает, что таблички серии *Aa*, в которых еще не указывался размер продовольственных пайков, были промежуточной стадией в подготовке перечня рационов, подобного документам серии *Ab*. В свою очередь, перечень *Ab*, содержащий устаревшие данные, должен был вскоре быть удален из архива. Серия *Aa*, по всей видимости, была написана через месяц после серии *Ab*. Различия в численности женщин и детей, зафиксированные в сериях *Aa* и *Ab*, могут быть следствием того, что от месяца к месяцу дворец нуждался в разном числе работников, которые, следовательно, работали на дворец не весь год, но лишь какую-то его часть.

А.А. Савинов (Саратов) в докладе «Критские корни мифа об Ионе», посвященном легендарному происхождению героя-эпонима Иона, предпринял попытку опровергнуть тезис о критских истоках родословной предка ионийцев. Литературно-мифологическая традиция и археологические данные представляют совсем иную картину, а именно материковые (аттические) истоки легенды о герое Ионе.

В докладе *Е.И. Соломатиной* (Москва) «Plut. Q.G. 32. 298c-d: проблемы интерпретации и датировки политических событий архаического Милета» рассматривался фрагмент из «Греческих вопросов» Плутарха и существующие его трактовки: 1) традиционный вариант с учетом эмэндаций рукописи издателями («Когда были свергнуты те, кто группировался вокруг тиранов – Фоанта и Дамасенора...»); 2) на основании рукописной традиции без эмэндаций («Когда тираны вокруг Фоанта и Дамасенора были свергнуты...»; а также предлагаемые исследователями возможные датировки упоминутых во фрагменте событий и их обоснование.

А.Н. Горюжанова (Нижний Новгород) в докладе «Комплекс ликийских мифологических мотивов в греческой традиции VIII–V вв. до н.э. (проблемы интерпретации)» отметила, что в античной легендарной традиции присутствует несколько образов, связанных с юго-западной частью Анатолии (Аполлон Ликийский, Сарпедон, Главк, Пандар, Беллерофонт). Каждый из них представляет собой сложный комплекс мотивов и может включать несколько разновременных пластов информации. Мифологический образ Пандара в «Илиаде», связанный и с Троядой, и с Ликией, может отражать некие контакты между двумя территориями, результатом которых стало передвижение группы с севера из Трояды на юг и поселение в Ликии в конце II – начале I тыс. до н.э. Вероятно, эти процессы нашли отражение и у Геродота, сообщающего, что население Ликии состояло из двух разновременных групп мигрантов.

И.Ю. Булкин (Саратов) в докладе «Римские военные дипломы в Северном Причерноморье» подчеркнул важность подобных находок для изучения истории региона в римское время. Ветеранский диплом преторианца, найденный в 1952 г. в Херсонесе, позволяет уточнить некоторые вопросы военного присутствия римлян в Таврике и является одним из главных доказательств вхождения Херсонеса в состав римской провинции Нижняя Мезия в I–III вв. н.э. В ходе оживленного обсуждения аргументация автора подверглась определенной критике.

Заседание третьего дня конференции (председатели – М.М. Казаков, А.М. Бутягин) проходило в здании Института истории и международных отношений. В докладе «Таганрогское поселение – гавань Кремны? (Письменные источники и археологические реалии)» *В.П. Копылов* (Ростов-на-Дону) проанализировал всю совокупность источников, содержащих информацию о времени функционирования Таганрогского поселения. По мнению автора доклада, о знакомстве греков с Приазовьем еще в доколониционный период может свидетельствовать упоминание Меотиды в раннегреческой мифологии. Материалы из Таганрогского поселения позволяют с высокой степенью уверенности сопоставить данный памятник с античной гаванью Кремны.

А.М. Бутягин (Санкт-Петербург) в докладе «Килик: широкие сосуды в греческой культуре VI–IV вв. до н.э.» проанализировал типологическое развитие столь распространенного в VII–V вв. до н.э. в древней Греции сосуда, как килик. В течение этого времени глубина сосуда уменьшалась, а его диаметр увеличивался, доходя порой до 42–43 см. Такая форма сосуда делала его неудобным для питья, но продолжала оставаться популярной вплоть до начала IV в. Автор предполагает, что причины такого развития типа и его популярности лежат в области эстетики греческого пира, где большое значение придавалось любованию поверхностью и цветом вина. Это было возможно только при разлитии жидкости по широкой поверхности. Появление и исчезновение килика можно связывать, соответственно, с формированием эстетики симпозиа на грани VIII–VII вв. и с исчезновением аристократических традиций в первой половине IV в. до н.э.

В докладе *Н.В. Кузиной* (Нижний Новгород) «Культ Диониса и царская власть в Боспорском государстве» на основании имеющихся данных было отмечено возвышение Диониса и его фиаса в официальном пантеоне Боспорского царства, начиная с правления ранних Спартокидов, что, вероятно, было обусловлено интенсивным развитием виноградарства и товарного виноделия, а также религиозным, политическим и культурным влиянием Афин. Эта линия в почитании Диониса получила свое дальнейшее развитие в период правления Митридата Евпатора, обращавшегося к авторитету Диониса – бога-завоевателя. По мнению докладчика, царская религиозная пропаганда не была бы столь успешной, если бы Митридат VI не учитывал традиции, сложившиеся как в духовной, так и в общественно-политической жизни Боспорского государства, в частности, уже имевшийся опыт использования правителями династии Спартокидов дионисийского культа для идеологического обоснования отдельных аспектов своей власти.

В докладе *А.Н. Коваленко* (Ростов-на-Дону) были представлены результаты комплексного анализа источников, позволяющие судить об изменениях этнополитической ситуации в Северо-Восточном Приазовье во второй половине IV – первой трети III вв. до н.э. Археологический материал показывает, что нарушение стабильности в регионе произошло около середины IV в.; в конце столетия скифское население покинуло Елизаветовское городище, а на его место была введена большая греческая колония. Однако скифское население в Северо-Восточном Приазовье еще оставалось на Миусском полуострове, а на территории Левобережья Дона появляется население, выступающее носителем новых традиций в погребальной обрядности, не связанных с существовавшими здесь ранее. Наличие на Нижнем Дону захоронений скифоидного населения, синхронных большой греческой колонии и отличных по обряду от погребений Елизаветовского могильника, позволяет говорить о целенаправленном вытеснении из региона на рубеже IV–III вв. именно населения Елизаветовского городища, и высказать мнение, что подобная ситуация во второй половине – конце IV в. до н.э. вполне могла сложиться в результате активной внешней политики Боспорского государства.

В.И. Кац (Саратов) в своем докладе «Горгиппийская клейменная черепица» проинформировал о своих последних исследованиях в этой области. Автор выяснил, что с середины IV по конец II в. до н.э. основная масса производимой в Горгиппии черепицы являлась продукцией местных мастерских.

А.П. Медведев (Воронеж) в своем выступлении «Исследование склепа начала I в. н.э. в Восточном некрополе Фанагории» ознакомил участников конференции с материалами исследованного в 2006 г. склепа 84, выделявшегося устройством, большими размерами, разнообразным набором инвентаря, а также антропологическими особенностями погребенных. Полученный материал проливает новый свет на изменение состава населения Фанагории в годы правления Аспурга.

Заседание завершилось докладом *Л.Л. Селивановой* (Москва) «Глиняный “мальчик” из юго-восточного Крыма», в котором анализировалась находка 2001 г. из раскопок сельскохозяйственного поселения у с. Заветное-V в юго-восточном Крыму. По мнению автора, терракотовая фигурка с мечом, иллюстрирующая известный ритуал в культе Кибелы, была посвящена богине во исполнение обета излечения либо подкрепляла мольбы о продолжении рода. Обращение к Великой Богине через посредника отражало уровень низовой земледельческой культуры, характерной для небольших сельских поселений и мелких крестьянских хозяйств. Статуэтка могла также указывать на связь с мистериями кого-нибудь из членов семьи, рода, общины.

Утреннее заседание завершающего дня конференции (председатели – А.М. Сморгков, Е.В. Ляпустина) открылось докладом *В.А. Гончарова* (Воронеж) «Легендарно-историческая традиция о роде Фабиев: новый взгляд» рассматривалась история о гибели 306 представителей этого рода в битве у реки Кремеры. При этом была сделана попытка истолковать данную историю как сохранившийся в сочинениях античных авторов отголосок более ранней, эпической традиции, которая в числе прочего отражала деяния воинских юношеских сообществ инициационного характера. На это, по мнению докладчика, указывают упоминания об особой стремительности Фабиев, их участии в грабитель-

ских набегах, воинском неистовстве и безрассудстве, а также о связи с празднеством Луперкалий и образом Геракла.

А.М. Сморгков (Москва) в докладе «Храмовое строительство в начале Республики: характер и значение» отметил, что возведение взаимосвязанной серии храмов в начале Республики свидетельствует о проведении сенатом сознательной политики в сфере общественного храмового строительства. Этим же объясняется и наступивший затем спад: после постройки храмов божествам, которые охватывали основные сферы жизни римской общины и, соответственно, удовлетворяли религиозные потребности главных социальных сил, сенат счел свою миссию исчерпанной. Общинный характер храмового строительства в этот период соответствовал как экономической ситуации, так и интересам аристократии, уничтожившей царскую власть.

В докладе *А.Б. Никольского* (Астрахань) «Римская военная реформа 211 г. до н.э.: историографический миф или историческая реальность?» рассматривалась теория, выдвинутая в 1990 г. М. Сэмюэльсом, утверждавшая, что в период Второй Пунической войны была проведена римская военная реформа, затронувшая экипировку кавалерии и легкой пехоты, а также их тактические характеристики, и что будто бы именно благодаря нововведениям римлянам удалось добиться перевеса в 211 г. и переломить ход Второй Пунической войны. По мнению докладчика, данные источников не позволяют поддержать столь категоричные утверждения: в римской армии в этот период действительно были внедрены некоторые новые элементы, но эти новшества носили паллиативный характер и не получили дальнейшего развития. Следовательно, данная теория не имеет под собой твердой основы и представляет собой искусственное построение.

В докладе «П. Вентидий Басс: образ полководца в греческой и римской традиции» *Е.В. Смыков* (Саратов) показал, что в греческой традиции, прежде всего у Диона Кассия, П. Вентидий Басс предстает как талантливый военачальник, одержавший победу над парфянами в битве при Гиндаре в 38 г. до н.э. В противоположность этому латинские авторы делают акцент на превратностях его личной судьбы. Для них он *exemplum* человека, вознесенного Фортуной, проведенного в детстве в триумфе, но в зрелые годы отпраздновавшего свой триумф. Причину этого автор видит в том, что, во-первых, Вентидий был легатом М. Антония, и, таким образом, лавры за победу принадлежали его главнокомандующему, и, во-вторых, хотя он и справил триумф над парфянами, после завершения гражданских войн на роль победителя и мстителя за Красса претендовал Август, мнимые достижения которого отнесли истинного победителя в тень.

С.С. Казаров (Ростов-на-Дону) выступил с докладом «Оракул мертвых на Ахеронте в Эпире: мифологический вымысел или историческая реальность?» Раскопки под руководством С. Дакариса примерно в 500 м к югу от Эфиры у подножья холма выше слияния рек Ахеронта и Копита около современной деревни Месопотамон дали подтверждение существованию оракула. Сфера деятельности оракула не была ограничена одной Феспротией, но распространилась на Коринф и расположенные в северо-западной части Греции колонии, хотя по уровню своего влияния он не достиг значения Додоны. Здесь отсутствовал какой-либо монументальный архитектурный комплекс, не найдено жертвоприношений и надписей. Следы пожара на месте раскопок могут свидетельствовать о нем как о главной причине гибели оракула в 169 г. до н.э.

В докладе *В.И. Кащеева* (Саратов) «Легенда о Цинциннате» было показано, что «легенда» сложилась уже в эпоху Римской республики. Образ Цинцинната перешел из античности в культуру нового времени и стал символом добродетельного гражданина, достойного главы семейства, патриота отечества и скромного труженика, жизнь которого прочно связана с землей. Проанализировав тексты нескольких писем А.П. Чехова, написанных весной 1892 г., и его рассказ «Отрывок», докладчик пришел к выводу, что рецепция образа Цинцинната в творчестве Чехова позволяет лучше понять некоторые события в биографии великого писателя, относящиеся, в частности, к меликовскому периоду его жизни, а также по новому взглянуть на отдельные стороны его творческого метода. При обсуждении было отмечено, что докладчик не учел напрашивающуюся параллель – эпизод из «Отцов и детей» И.С. Тургенева, где Василий Базаров в шутку сравнивает себя с Цинциннатом.

М.М. Казаков (Смоленск) в докладе-презентации «Христианские храмы в языческих святилищах (к вопросу об утверждении христианства в Малой Азии)» обозначил проблему соотношения сведений в письменных источниках по истории Поздней Римской империи и Ранней Византии и остатков христианских храмов, увиденных во время путешествий по Малой Азии. В докладе была предпринята попытка уточнения типологии мест для строительства христианских церквей в Римской империи после Миланского эдикта 313 г. Особое внимание автор уделил основанию христианских храмов в Эфесе, Пергаме, Сардах, Приене и Дидиме, отмечая, что христиане намеренно выбирали для своего культа места либо близкие к древним языческим центрам, либо прямо в них. Вероятнее всего, сторонники новой веры стремились таким образом продемонстрировать свое превосходство над старыми религиями и склонить на свою сторону последних приверженцев древних богов.

Христианизация языческих святилищ может рассматриваться как свидетельство окончательного утверждения христианства в Малой Азии.

Вечернее заседание (председатели – Н.И. Сударев, Е.И. Соломатина) открылось докладом *Е.В. Ляпустиной* (Москва) «Строительство в провинциальных городах Римской империи: источники финансирования». Проведенный анализ многочисленных строительных и посвячительных надписей II–III вв. н.э., прежде всего из римской Африки, показывает, что значительная часть общественных сооружений возводилась на частные средства – во исполнение обещаний, данных состоятельными гражданами родной общине (*pollicitatio*), или их завещательных распоряжений. Данная практика стала предметом скрупулезного правового регулирования, о чем говорит нередкое обращение к этой теме римских юристов. По мнению автора доклада, это свидетельствует о том, что средства частных лиц рассматривались как регулярный источник финансирования общественного строительства в гораздо большей степени, чем собственные доходы городских общин.

В докладе *А.Е. Барышникова* (Калуга) «Таблички с проклятиями (*defixio*) из Римской Британии: содержание, смысл и значение как исторического источника» говорилось о том, что на сегодняшний день известно более 300 подобных табличек разной степени информативности. Особый интерес представляет материал, из которого изготавливались таблички. В Британии проклятия наносились на тонкие листы пьютера, сплава олова и свинца. Это, с одной стороны, лишний раз подтверждает распространенность этого сплава в провинции. С другой стороны, то, что пьютер подвержен «оловянной чуме», может являться причиной того, что таблички с проклятиями на севере провинции не сохранились. Содержание и язык табличек позволяют с новых сторон охарактеризовать процессы культурного взаимодействия в провинции. Проклинающие со своими просьбами обращались к «сдвоенным», римско-бритским божествам: Марсу-Ноденсу, Меркурию-Ниску, Минерве-Сулис. Квазиправовые формулировки табличек, разный уровень грамотности, наличие в текстах заимствованных германских и кельтских слов подтверждают, что практика проклятия недругов была распространена среди всего населения провинции, независимо от имущественного положения или этнического происхождения. Интереснейшей особенностью британских табличек с проклятиями является то, что практически все они посвящены воровству. Благодаря табличкам с проклятиями можно увидеть негативные последствия прихода римской цивилизации в Британию. Автор планирует проверить свои предположения после выхода IV тома «*Roman Inscriptions of Britain*», куда будут включены все обнаруженные таблички с проклятиями.

В докладе «Социальная память и политическая борьба в культуре Поздней республики: реванш проигравших» *А.В. Макарова* (Иваново) предположила, что в условиях столь радикальной ломки политической организации общества, каким был переход к принципату, сохранялась (хоть и не в полном объеме) роль традиционных каналов политической коммуникации, а также то, что в Поздней республике имела место и значение не только власть, опирающаяся на деньги, армию, но и власть символическая, опирающаяся на контроль над дискурсом.

В завершение форума участники отметили высокий уровень конференции и высказали пожелание продолжать это научное мероприятие.

Для участников конференции были организованы экскурсии в Саратовский областной музей краеведения, Саратовский государственный художественный музей им. А.Н. Радищева, Музей боевой славы и в Музей археологии СГУ.

Е.В. Кузнецова, А.А. Савинов, Н.Б. Чурекова